

DOI 10.15826/qr.2019.3.411
УДК 94(571.1/.5)"18"+351.711(09)+352(09)

ОБРАЗ СИБИРИ В ОТЧЕТАХ ГЕНЕРАЛ- ГУБЕРНАТОРОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.*

Наталья Матханова

Институт истории СО РАН,
Новосибирск, Россия

Наталья Родигина

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
Новосибирский государственный педагогический университет,
Тобольск, Новосибирск, Россия

THE IMAGE OF SIBERIA IN THE ACCOUNTS OF GOVERNORS-GENERAL IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

Natalia Matkhanova

Institute of History Siberian Branch
of the Russian Academy of Science,
Novosibirsk, Russia

Natalia Rodigina

Tobolsk Scientific Station UB RAS,
Novosibirsk State Pedagogical University
Tobolsk, Novosibirsk, Russia

Even though the image of Siberia in mass consciousness, public opinion, and “power” discourse of the second half of the nineteenth century has long been a subject of researcher attention, the image of the region in the reports of Siberian governors-general has not been analysed separately. However, these materials not only make it possible to expand existing academic conclusions about the impact of reality images on social practices, but also to clarify the factors that

* *Citation:* Matkhanova, N., Rodigina, N. (2019). The Image of Siberia in the Accounts of Governors-General in the Second Half of the 19th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 835–850. DOI 10.15826/qr.2019.3.411.

Цитирование: Matkhanova N., Rodigina N. The Image of Siberia in the Accounts of Governors-General in the Second Half of the 19th Century // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 835–850. DOI 10.15826/qr.2019.3.411 / Матханова Н., Родигина Н. Образ Сибири в отчетах генерал-губернаторов второй половины XIX в. // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 835–850. DOI 10.15826/qr.2019.3.411.

determined the position of local and central authorities in relation to the region, identify the dependence of images on the type of sources in which they are found, and determine the common “agenda” for government and public opinion in the discussion of “Siberian issues”. Based on Foucault’s discourse analysis of texts, the article reveals and characterises the key elements of the image of Siberia on the basis of reports of Siberian governors-general between the early 1850s and late 1880s. The region was the empire’s “warehouse”, whose wealth was still scarcely in demand for the development of the local “productive forces”, practical issues of management, and cultural needs, and from the point of view of imperial economic and geopolitical interests. It was *terra incognita* for the imperial authorities, academia, and the educated public, a region forgotten by the capital but in need of local government reform (indeed it was included in the reforms of the 1860s–70s), connections with European Russia by rail, water, and land, intensified agricultural production, better schooling, its own university, educated and motivated officials, and the abolition of exile. The territory was a potential “paradise” on earth for peasants and all the population of the Trans-Ural provinces, which might be possible if the imperial authorities paid attention to their needs and aspirations (this component of the region’s image would become essential during Stolypin’s ideological campaign of resettlement in the early twentieth century).

Keywords: history of Siberia in the second half of the nineteenth century; image of Siberia; reports of governors-general.

Образ Сибири и «властный» дискурс о зауральских губерниях во второй половине XIX в. в массовом сознании и общественном мнении давно являются предметом исследовательского внимания, однако образ региона в отчетах сибирских генерал-губернаторов еще не становился темой специального анализа. Эти материалы не только позволяют расширить существующие в науке выводы о влиянии образов реальности на социальные практики, но и дают возможность уточнить факторы, определяющие позицию местной и центральной власти в отношении региона, выявить зависимость образов от вида источников, в котором они представлены, определить общую для власти и общественного мнения «повестку дня» в обсуждении «сибирских вопросов». Основываясь на дискурсивном анализе текстов (М. Фуко), авторы выявили и охарактеризовали ключевые элементы образа Сибири, сконструированного в отчетах сибирских генерал-губернаторов начала 1850-х – конца 1880-х гг., – ресурсной кладовой империи, богатства которой были еще мало востребованы как для развития местных «производительных сил», практических задач управления и культурных потребностей, так и с точки зрения имперских экономических и геополитических интересов. Это была *terra incognita* как для верховной власти, так и для науки и образованной публики, забытая столичной властью страны, нуждавшейся в реформировании системы местного управления, в распространении реформ 1860–1870-х гг., в соединении с Европейской Россией железной дорогой, в развитии водных и сухопутных путей сообщения, местной промышленности и интенсификации сельскохозяйственного производства, в увеличении количества школ

и организации университета, в привлечении в край образованных и мотивированных чиновников, в отмене ссылки. Это была территория потенциального рая на земле для крестьян и всего населения зауральских губерний и областей, возможного в случае привлечения внимания верховной власти к их нуждам и потребностям (данный компонент образа региона станет одним из основных во время идеологической компании, сопровождавшей столыпинское переселение в начале XX в.).

Ключевые слова: история Сибири второй половины XIX в; образ Сибири; отчеты генерал-губернаторов.

В последние десятилетия образ Сибири, институты его конструирования и трансляции, факторы, оказывавшие влияние на его содержание, эволюцию и трансформацию, относятся к сфере напряженного внимания как историков, так и коллег из «смежных цехов» (социологов, литературоведов, этнографов, специалистов в области гуманитарной географии и др.). До настоящего времени остаются в значительной степени открытыми и дискуссионными вопросы об определении образа как категории исторических исследований, о зависимости представлений о регионе (как и о любом другом значимом объекте реальности) от профессиональной принадлежности их носителей, о влиянии образов на поведенческие практики (обзор см.: [Мазур, с. 167, 169]).

Представления власти о Сибири уже становились предметом изучения [Ремнев, 2015; Дамешек; и др.], однако специфика образа региона в отчетах генерал-губернаторов, насколько нам известно, еще не была темой специального исследования. Анализ отчетов позволяет показать зависимость образа региона от социофессиональной принадлежности его авторов, а также от источников его деконструкции, и дает возможность выявить общее в репрезентациях Сибири по текстам представителей власти и общественного мнения.

В качестве основного метода исследования востребован дискурс-анализ, оптимальнее всего реализованный в работах М. Фуко. Под дискурсом он понимает совокупность высказываний, зависящих от одной и той же дискурсивной формации [Фуко, с. 227]. Используем его определение дискурсивной формации: «описать высказывания, описать функцию высказывания... проанализировать условия, в которых осуществляется эта функция, обозреть различные области, которые она предполагает, и тот способ, каким они соединяются между собой» [Там же, с. 225]. Согласно нашему пониманию дискурс-анализа, историк концентрирует внимание на следующих моментах: 1) формирование объекта (в нашем случае образ Сибири); 2) формирование субъективных позиций (не только проблема авторства высказываний, но и позиция, которая при определенных условиях может быть занята любыми индивидами); 3) ассоциированное поле, заставляющее учитывать не только реальный контекст формулировки отчета и историческую ситуацию, которой она продиктована, но и интерпретацию

дискурса как области существования для других высказываний. Объектом дискурса является именно образ Сибири у образованных русских второй половины XIX в., предметом же – его отражение в генерал-губернаторских отчетах, ибо дискурс как объект изучения может быть представлен лишь как совокупность объектов-разновидностей, и описание дискурса не сводимо к описанию инварианта. При этом для нас важно, как именно функции, структура и адресат отчетов детерминировали образ региона, как на его репрезентацию влияли внедискурсивные практики (отдельные институты власти, реализация на практике политики в отношении региона и др.).

Образ региона, по определению Д. Н. Замятина, это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные представления, которые соотносятся с какими-либо политико-, историко- или культурно-географическими территориями и формируются в результате какой-либо человеческой деятельности как на бытовом, так и на профессиональном уровне [Замятин, с. 183]. По нашему мнению, образ региона интегрирует не только представления о территории и ее населении, базирующиеся на знаниях о ней, но и продукт коллективного воображения, который стихийно или осознанно создается в массовом сознании и общественном мнении заинтересованными «мы-группами» (более подробно см.: [Родигина, 2006, с. 41–59; Родигина, 2017, с. 79–102]).

Источниковая специфика отчетов сибирских генерал-губернаторов и история их изучения, адресаты, авторский корпус уже были охарактеризованы ранее, как и хронологические и территориальные границы исследования [Матханова, Родигина]. В работе используются деловые документы и обозрения сибирских генерал-губернаторов с начала 1850-х гг., когда статус региона стал предметом обсуждения во II Сибирском комитете и других правительственных учреждениях, и до времени упразднения Западно-Сибирского (1882) и Восточно-Сибирского генерал-губернаторств (1887). Задача анализа – выявить, как в служебных текстах (в первую очередь отчетах) отражались базовые элементы образа Сибири, бытовавшие в общественном мнении и массовом сознании второй половины XIX в.

Сама структура отчетов задавала определенную матрицу для формирования интегрального многокомпонентного образа региона, включающего в себя представления о его географии, природе, экономическом, административном и культурном развитии, составе населения и отдельных аспектах хозяйственной деятельности, вероисповедании, асоциальном поведении и др. В большинстве отчетов, как и в материалах периодической печати, художественных и мемуарных текстах, крестьянских письмах, прошениях и слухах о переселении, на первый план выходит *образ Сибири как богатейшего края, ресурсной кладовой империи*. Он возникал и/или создавался в сопоставлении с более знакомыми и привычными образами регионов Европейской России. Необходимо иметь в виду, что практически все генерал-губернаторы (за исключением М. С. Корсакова) не служили в Сибири до своего назначения и были поверхностно знакомы с населением, географиче-

скими и природно-климатическими особенностями региона [Ремнев, 2015, с. 404]. Этим объясняется эмоциональная окрашенность образа региона, особенно в первых отчетах после прибытия в Сибирь, удивительная для канцелярского языка отчетов, и в то же время некоторая фрагментарность и противоречивость описания. В первом по прибытии обозрении 1879 г. Д. Г. Анучин¹, уподобляя себя «массе других путешественников», пишет о своих непосредственных впечатлениях: «...я был поражен красотой здешней природы, раздольем здешних мест» [РГИА. Ф. 1263. Оп. 3. Д. 191. Л. 5 об.]. Однако в отчете за 1880 и 1881 гг. он приводит противоположную характеристику: «Восточная Сибирь представляется... странною, обделенною природою» [Всеподданнейший отчет... за 1880 и 1881 гг., с. 139].

В отчетах констатация обширности региона и его ресурсного потенциала имела, во-первых, вполне конкретные (в том числе цифровые) измерения; во-вторых, преследовала прагматичные управленческие, а иногда и геополитические задачи; в-третьих, объяснялась стремлением наконец-то «открыть» Сибирь, остававшуюся *terra incognita* для столичной власти. А. О. Дюгамель² так и писал: «Тайга, о которой здесь идет речь... это настоящая *terra incognita*, о которой правительство имеет крайне неполные сведения» [Дюгамель, с. 424]. Образ Сибири как неизвестной земли актуализировали в своих отчетах многие генерал-губернаторы. Так, Н. Г. Казнаков³ писал:

Ученые исследования далеко не выяснили разнообразных свойств этой обширной страны, поныне заключающей в себе такие местности, о которых только случайно получают отрывочные сведения от инородцев [РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 65. Л. 116–118].

Он стремился «привлечь образованных лиц» к изучению края, для чего предпринял ряд практических мер [Ремнев, 2015, с. 322, 324].

В отличие от художественных и публицистических текстов, в отчетах приводились статистические данные о размерах губерний, количестве населенных пунктов, численности населения и пр., ибо сам формуляр отчета предусматривал соответствующие рубрики. При этом артикулировались территориальные границы генерал-губернаторств, что важно в связи с дискуссионностью вопроса о соотношении административных, географических, природно-климатических, ментальных границ Сибири на протяжении всего изучаемого периода. Так, М. С. Корсаков⁴ фиксирует границы управляемой им терри-

¹ Анучин Дмитрий Гаврилович (1833–1900) – генерал-губернатор Восточной Сибири в 1879–1884/85 гг.

² Дюгамель Александр Осипович (1801–1880) – генерал-губернатор Западной Сибири в 1861–1866 гг.

³ Казнаков Николай Геннадиевич (1824–1885) – генерал-губернатор Западной Сибири в 1875–1882 гг.

⁴ Корсаков Михаил Семенович (1826–1871) – генерал-губернатор Восточной Сибири в 1861–1871 гг.

тории, «замкнутой с севера берегами Ледовитого океана, недоступного для свободного плавания, с востока хотя прилегающей к двум морям – Камчатскому и Охотскому, но также затруднительным для морского пути, и, наконец, на юге огражденной пустынными степями Монголии и Маньчжурии» [РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202. Л. 2 об.]. Это важно и для обоснования необходимости соответствующих управленческих решений:

Географическое положение Восточной Сибири, отделенной огромными пространствами от Европейской России и вообще от цивилизованных и промышленных пунктов, а также физическое наклонение ее к Ледовитому морю не допускали деятельного общения ее с другими странами; одинаковость климата, почвы и естественных произведений почти во всех главнейших частях ее препятствовали развитию внутренних торговых и других сообщений [РГИА. Ф. 1265. Оп. 11. Д. 161. Л. 6 об. –7].

А. П. Хрущов⁵ в отчете за 1866 г. утверждал: Западную Сибирь «можно разделить на две резко отличающиеся полосы, границей между которыми можно считать 60° сев[ерной] шир[оты]». При этом он отмечает сложность измерения границ региона:

При столь огромном протяжении полное и точное измерение Тобольской губернии сопряжено с почти непреодолимыми трудностями. Промадность пространства, почва – топи и болота, суровый климат северных округов крайне затрудняют геодезические работы, поэтому до сих пор измерено не более одной десятой губернии. В Томской губернии встречается меньше трудностей, поэтому измерено более половины ее территории [РГИА. Ф. 1281. Оп. 7 (1868). Д. 9. Л. 2 об.].

Яркий пример описания географического положения региона встречаем у Анучина:

Сибирь, занимая северную половину Азиатского материка, соединяет Европу с Великим океаном. Через Сибирь, а не другим путем прошла линия телеграфа, соединяющего Запад с Японией и Китаем; через Сибирь же направились бы и богатства этих стран в Европу, если бы существовали удобные пути сообщения... Географическим положением своим Сибирь предназначена быть посредником между крайним Востоком и Западом, служа для транзита международной торговли. Рано или поздно такое предназначение Сибири... осуществится, и Россия явится тогда для Западной Европы не угрозою в политическом отношении, а источником богатства и всех благ для развития промышленности... [Всеподданнейший отчет... за 1880 и 1881 гг., с. 144].

⁵ Хрущов Александр Петрович (1806–1875) – генерал-губернатор Западной Сибири в 1866–1875 гг.

Таким образом, отчеты не только содержат оценку современного состояния и перспектив региона, но и свидетельствуют о геополитических взглядах генерал-губернаторов, об их представлении о собственной роли в реализации правительственной политики. Нами не выявлено существенных различий в репрезентациях Восточно- и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, при их описании авторы отчетов употребляли не только общую терминологию, но и общие слова-маркеры, в основном фиксировали общие проблемы. Создается впечатление, что основная функция *образа Сибири как богатейшего края*, ресурсной кладовой империи в отчетах – мобилизующая, характеризующаяся стремлением привлечь внимание правительства к насущным нуждам региона и показать выгоды от тех или иных правительственных мероприятий. Более того, можно утверждать, что все эти богатства рассматривались главным образом через призму будущего, а не настоящего, как следствие ожидаемых правительственных преобразований в экономике и управлении Сибирью [РГИА. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 6. Л. 153]. В их числе на одном из ведущих мест, на котором акцентировалось внимание в большинстве отчетов, было улучшение путей сообщения как внутри самой Сибири, так и с Европейской Россией, и с иностранными государствами.

Проблема коммуникаций, точнее, их затруднительности – постоянная составляющая образа региона изучаемой эпохи. Он не просто отдален от центра, но и не имеет надежной связи с ним. Это серьезная проблема и для развития экономики, и для приобщения к цивилизации, и для прочности военно-политического закрепления территории. Сначала основной способ ее решения виделся в развитии водного транспорта. В отчете М. С. Корсакова за 1861 г. констатировалось:

Существующее сухопутное сообщение Восточной Сибири с внутренними российскими губерниями не удовлетворяет потребностям страны, несмотря на постоянное деятельное улучшение оно; а потому представляется настоятельная надобность в устройстве чрез Восточную Сибирь правильного водяного сообщения, посредством которого материальная связь края с Европейскою Россией делается наиболее прочною [РГИА. Ф. 1265. Оп. 11. Д. 161. Л. 7 об.].

Наряду с развитием паровозного сообщения, уже с 1860-х гг. в отчетах фиксируется необходимость строительства железной дороги. В отчете А. О. Дюгамеля за 1865 г. «застой» в развитии экономики объяснялся «отдаленностью края от важнейших торговых пунктов Европейской России. Устранение такого препятствия, – указывал генерал-губернатор, – возможно лишь при существовании железной дороги. Тогда только торговля и промышленность приняли бы правильное направление, и можно смело надеяться, что край этот быстро бы оживился в промышленном отношении» [РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 1. Л. 33 об. –34]. Н. Г. Казнаков считал лучшим способом

решения многих проблем Сибири строительство железной дороги, на первых порах хотя бы от Тюмени до реки Камы, чтобы соединить Сибирь с промышленными центрами Европейской России [РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 65. Л. 12 об. –14].

Позже при обосновании решения проблемы коммуникаций и строительства железной дороги все больше акцентируются внешнеполитическая и военная стороны. В отчете за 1879 г. Д. Г. Анучин создает образ пробуждающегося и становящегося все более опасным соседом Китая и подчеркивает: «Громадная удаленность Восточной Сибири от центра государства ставит ее в положительную невозможность получить в случае нужды помощь из внутренних губерний империи». Спасти положение может только «устройство водяного пути и железной дороги» [Всеподданнейший отчет... за 1879 г., с. 37]. В следующем отчете Анучин подчеркивает, что

...развитие путей сообщения в Сибири имеет не только особое значение местное и государственное, но и мировое... Поэтому на все пути в Сибири следует смотреть как на часть тех сообщений, которые со временем будут призваны к мировому значению.

Это делает еще более важным вопрос о железной дороге [Всеподданнейший отчет... за 1880 и 1881 гг., с. 144].

А. П. Игнатъев⁶ докладывал:

...слабое развитие производительности в стране и застой в делах главнейшим образом зависят от полного отсутствия в крае сколько-нибудь устроенных путей сообщения. По моему крайнему убеждению, этот вопрос имеет первостепенное значение, и не только местное – сибирское, но и общегосударственное [Всеподданнейший отчет... за 1885–1886 гг., с. 39].

Он доказывал, что

...для достижения возможности своевременно придвинуть в Забайкалье достаточное число войск нет другого способа, как постройка железной дороги, соединяющей Европейскую Россию с бассейном реки Амур [Там же, с. 47].

Еще одной проблемой, мешавшей, с точки зрения авторов отчетов, динамичному экономическому развитию как Западной, так и Восточной Сибири, являлась нехватка населения. Корсаков в отчете за 1861 г. называл основными препятствиями к более успешному развитию «удаленность от центров русской и вообще европейской цивилизации, малочисленность населения и неудовлетворительное состояние народного образования» [РГИА. Ф. 1265. Оп. 11. Д. 161.

⁶ Игнатъев Алексей Павлович (1842–1906) – генерал-губернатор Восточной Сибири в 1885–1887 гг., иркутский генерал-губернатор в 1887–1889 гг.

Л. 4, 6–6 об.]. П. А. Фредерикс⁷ в отчете за 1874–1875 гг. перечислял основные препятствия к развитию хозяйства в Восточной Сибири: «...малонаселенность, дороговизна сообщений на громадных пространствах, недостаток рабочих рук, дороговизна и недостаток железа... отсутствие мелкого кредита» для крестьян [РГИА. Ф. 1284. Оп. 69 (1875). Д. 522. Л. 6]. Анучин считал увеличение населения «самым насущным из всех когда-либо поднимавшихся здесь вопросов», как и «облегчение сообщений устройством новых путей» [Всеподданнейший отчет... за 1879 г., с. 42].

Однако, постоянно упоминая о недостатке населения, особенно способного к сельскохозяйственному труду, в активное обсуждение проблемы организации переселенческого движения высшее руководство сибирских губерний и областей включается с 1880-х гг., когда на правительственном уровне происходит обсуждение переселенческого законодательства и вырабатывается переселенческая политика.

Наряду с констатацией нехватки сельского населения, красной нитью через большинство отчетов проходила мысль о недостатке технически подготовленных специалистов, что мешало развитию промышленности [РГИА. Ф. 1284. Оп. 69 (1875). Д. 522. Л. 7; Ф. 1281. Оп. 7. Д. 1. Л. 33 об.; Ф. 1281. Оп. 7 (1868). Д. 9. Л. 24–24 об.; и др.]. Наиболее развернутый перечень проблем, препятствовавших экономическому процветанию региона, встречаем в отчете А. О. Дюгамеля (1860 г.):

Промышленность и торговля этого края еще очень далеки от той степени развития, на которой должны стоять, судя по громадным природным средствам страны... Причинами, препятствующими свободному и полному развитию промышленности Западной Сибири, служили: 1) отдаленность края от важнейших промышленных и торговых пунктов внутренних и приморских губерний империи; 2) крайне неудовлетворительное состояние путей сообщения с внутренними губерниями и происходящее от того затруднение в перевозе произведений; 3) значительный недостаток рабочих рук как следствие малонаселенности края и 4) недостаток частных капиталов и предприимчивости [РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 203. Л. 14 об. –15].

Близкие версии экономических проблем содержатся в отчетах восточносибирских генерал-губернаторов. Отчеты содержат и другой образ региона, близкий по смыслу к репрезентации Сибири как богатейшего края, ресурсной кладовой империи, – это представление о регионе как о крестьянском рае, где земли много, а начальства мало. Этот стереотипизированный образ имел широкое распространение в крестьянской среде, его транслировали декабристы, он нашел отражение в творчестве либеральных и народнических литераторов, в том

⁷ Фредерикс Платон Александрович (1828–1888) – генерал-губернатор Восточной Сибири в 1873–1879 гг.

числе политических ссыльных. Однако в отчетах данный образ имеет свою специфику – описание благоприятных условий для успешного ведения сельского хозяйства сопровождается поиском причин, которые этому препятствуют. Причем он актуализируется в основном в отчетах генерал-губернаторов Западной Сибири, в которой больше территорий, благоприятных для ведения сельского хозяйства. В этом смысле показателен отчет А. О. Дюгамеля (1865), в котором он рисует Западную Сибирь вполне благополучным краем:

Избыток земли, удобной для возделывания и представляющей места для самого обширного скотоводства, обильное орошение бассейнами Оби и Иртыша, изливающих свои воды в Северное море, необъятные пространства северных лесов, наполненных пушным зверем, соседство на юге с Киргизскою степью и Китаем [РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 1. Л. 33].

Далее он изображает регион в духе народной мечты о «подрайской земле»:

Благоприятные климатические условия большей части местности, занимаемой сельским населением края, и почва, по превосходным качествам своим не требующая удобрения и усиленного труда при обработке, вполне гарантируют развитие и обеспечение благосостояния сельского населения. Но обилие и легкость, с которыми поселянин добывает все произведения земли и промышленности, верный и выгодный сбыт их и высокий заработок, с избытком удовлетворяющий потребности быта крестьянского населения, развивают в нем беспечность и леность, вследствие которых коренные жители вообще менее зажиточны, чем переселенцы, прибывшие из внутренних малоземельных губерний [РГИА. Ф. 1281. Оп. 7 (1868). Д. 1. Л. 18 об. –19].

Таким образом, богатство природы противопоставлялось пассивности и бесхозяйственности сибирских крестьян. Сопоставление отчетов Дюгамеля и сменившего его на этом посту А. П. Хрущова свидетельствует о преемственности их позиции по данному вопросу. Последний также подчеркивал, что населенные крестьянами местности

...представляют полную возможность заниматься с успехом скотоводством и земледелием. Но, к сожалению, возделывание земли основано на стародавних обычаях, вследствие чего немало труда затрачивается непроизводительно [РГИА. Ф. 1281. Оп. 7 (1868). Д. 9. Л. 11–12].

В числе причин, мешавших превращению Сибири в сельскохозяйственную житницу страны, генерал-губернаторы называли «отсутствие понятия о земельной собственности», как и самой частной собственности на землю, нехватку сельскохозяйственных знаний у крестьян, косность и невосприимчивость сибиряков к нововведе-

ниям. Однако, фиксируя отдельные (подлинные или мнимые) негативные социокультурные характеристики сибиряков, руководители региона обращали внимание на их сметливость, бойкость, словоохотливость, способность приспосабливаться к непростым природно-климатическим условиям, свободолюбие, что отчасти сближало их с набором социально-психологических характеристик, которые областники приписывали сибирякам как особому типу русской народности в Сибири.

К числу повторяющихся элементов образа региона, транслирующихся со страниц губернаторских отчетов, можно отнести образ Сибири, забытой столичной властью, или, как писал Анучин, оставленной как бы в пренебрежении по всем отраслям государственного управления. Развивая свою мысль в отчете за 1880–1881 гг., он с грустью констатировал:

На какую часть ни обратишь внимание, везде недостатки, несовершенства, нередко и злоупотребления. Слишком долгое время для Сибири ничего не было сделано, и теперь результаты этого выражаются крайне печальным в ней положением администрации [Всепопданнейший отчет... за 1880 и 1881 гг., с. 139].

И Хрущов именно этим завершал свой отчет за 1867 г.:

Сибирь не воспользовалась еще теми благами нового суда и улучшенной администрации, которые дарованы уже Вашим императорским величеством внутренним губерниям империи. Таким образом, эта окраина империи как бы забыта среди своей семьи, между тем по составу своего населения и отдаленности от центральной правительственной власти ей бы следовало пользоваться лучшими формами суда и администрации [РГИА. Ф. 1281. Оп. 7 (1869). Д. 51. Л. 118 об. –119].

К этим словам имеется помета императора:

Она не забыта, но всего разом исполнить невозможно [Там же. Л. 122].

Как справедливо замечено Ремневым, этот экзотизированный и маргинализированный образ «забытой» страны с главными маркерами «острога» и «рудника», «географического трупа», который необходимо «оживить», был распространен вплоть до конца XIX в. [Ремнев, 2013, с. 231]. Исследователи внутренней политики правительства в отношении Сибири подробно охарактеризовали деятельность институтов, обсуждавших во второй половине XIX в. программу развития региона, его статус, планы по преобразованию управления в Сибири и по изменению ее административного статуса, поэтому мы остановимся на ключевых эмоционально-оценочных суждениях, при помощи которых авторы отчетов доказывали необходимость и направления «оживления». Сразу заметим, что образ забытой Си-

бири начинает воспроизводиться из отчета в отчет с начала 1860-х гг. Он пришел на смену образу «осчастливленного столь лестным Высочайшем вниманием края», фигурировавшего в отчетах Муравьева начала 1850-х гг. [Ремнев, 2015, с. 350–351]. После нераспространения на Сибирь судебных уставов и земской реформы метафора «забытой» верховной властью страны в разных вариациях стала общим местом в значительной части отчетов. П. А. Фредерикс, к примеру, так завершал свой отчет за 1874–1875 гг.:

...дальнейшее преуспеяние и развитие вверенного мне края... будет много зависеть от скорейшего осуществления в нем тех реформ, которыми отечество наше уже обязано Вашему императорскому величеству. Постепенное применение к Восточной Сибири земского самоуправления и нового суда рядом с учреждением в крае большего числа учебных заведений послужит началом новой общественной и экономической жизни этой обширной и отдаленной окраины государства [Ф. 1284. Оп. 69 (1875). Д. 522. Л. 48–48 об.].

Вообще обоснование необходимости распространения на Сибирь «благотельных реформ» содержится во многих отчетах 1860–1880-х гг. [Матханова, с. 3–7]. Одним из аргументов в пользу этого называется некоторое улучшение положения в Сибири и готовность к ним населения. Д. Г. Анучин писал в 1882 г.:

...время взяло свое, сравнительно широкое развитие в Сибири гражданственности уже сделало невозможным тот произвол, который господствовал здесь в прежнее время... Современная администрация вверенного мне края, вынося на себе все нарекания, слышащиеся в обществе, далеко их не заслуживает. Поставленная нередко в невозможность точно держаться указаний закона и почти всегда лишенная средств дать удовлетворение развивающимся потребностям населения, страстно желающего получить доступ к более широкому образованию и участию в реформах... сибирская администрация не преступна, но не соответственна настоящим требованиям ни по своему составу, ни по предоставленным ей средствам. Самоуправство и произвол отнюдь не составляют ее отличительных признаков, хотя в Восточной Сибири происходит, быть может, более, чем где-либо, отступлений от закона [РГИА. Ф. 1284. Оп. 70 (1882). Д. 102. Л. 8].

Призывая одарить Сибирь «теми благами общественной жизни, которые дарованы Европейской России последними реформами Царя Освободителя», Анучин ссылается и на общественное мнение: «Насколько мне известно, – пишет он, – среди сибирского общества распространена живейшая надежда», что это случится к 300-летию присоединения Сибири [Всепопданнейший отчет... за 1880 и 1881 гг., с. 148]. А. П. Игнатьев в отчете за 1885–1886 гг. также указывал на не-

обходимость распространения реформ на Сибирь. Теперь речь шла уже о сближении систем управления во внутренних и окраинных губерниях [Всеподданнейший отчет... за 1885–1886 гг., с. 6–8].

Однако, как очевидно из приведенной цитаты Анучина, образ «пробуждающейся» Сибири часто соседствовал с устойчиво воспроизводимым представлением о ней как о плохо устроенной, а иногда даже *плохо управляемой* (до назначения автора отчета) *части империи*. В числе основных причин неэффективности управления назывались исторически сложившийся статус Сибири как места ссылки, географическое и этнографическое своеобразие региона и, как уже говорилось, невнимание центра к нуждам окраины. Так, Анучин, споря с мнением современников, называвших Сибирь «страной полного административного произвола и всевозможных несообразностей», тем не менее, признавал, что

...принудительное ее заселение и отбрасывание в нее всех подонков русского общества в виде ссыльных и ссыльнокаторжных положили на тамошнюю жизнь и порядки особый отпечаток. Административный произвол, самую силою вещей становившийся в прежнее время на место закона в этой пустынной стране, извратил совершенно понятие о законности как у управляющих, так и в населении [РГИА. Ф. 1284. Оп. 70 (1882). Д. 102. Л. 8].

Нередко указывалось на неразвитость административной инфраструктуры. Н. Н. Муравьев-Амурский⁸ употреблял даже такие выражения, как «неудобоприменимость» ряда общегосударственных установлений «к местным обстоятельствам» [РГИА. Ф. 1281. Оп. 5 (1850). Д. 132. Л. 19 об.]. И он, и Н. П. Синельников⁹ указывали на необходимость учитывать сибирскую специфику [РГИА. Ф. 1284. Оп. 69 (1874). Д. 135. Л. 4]. Одной из наиболее очевидных для авторов отчетов проблем, мешавших динамичному развитию края, была хорошо уже изученная проблема кадров, в том числе управленческих [Ремнев, 2015].

В некоторых отчетах конструировался *образ обираемой центром окраины*. Н. П. Синельников подсчитывал:

Восточная Сибирь при 1 400 000 населения (менее каждой из губерний, которыми я управлял) платит одного акциза более 3 100 000 руб. <...> Все эти расходы, возмещаемые преимущественно с народа, ложатся на него весьма тяжелым бременем [РГИА. Ф. 1284. Оп. 67 (1872). Д. 337. Л. 4–4 об.].

⁸ Муравьев-Амурский Николай Николаевич, граф (1809–1881), генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847–1861 гг.

⁹ Синельников Николай Петрович (1805–1892), генерал-губернатор Восточной Сибири в 1871–1873 гг.

Д. Г. Анучин в 1881 г. просил выделить 100 тыс. руб. для «улучшения местной администрации» и указывал, что из 2 млн собираемых с золотопромышленности налогов, часть, «по всей справедливости, должна бы быть уделена на потребности именно того края, где главным образом получается золотая подать» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 70 (1882). Д. 102. Л. 11–11об.]. А. П. Игнатъев, предлагая различные источники получения средств для осуществления преобразований, тоже называет «доход, извлекаемый правительством с золотопромышленности в этом крае» [Всеподданнейший отчет... за 1885–1886 гг., с. 49].

В последней четверти XIX в. генерал-губернаторы подчеркивают правомерность правительственной политики, направленной на унификацию управления регионом по сравнению с внутренними губерниями, ликвидацию нормативных актов, обеспечивавших специфику управления и права «инородческого» населения. И чем скорее это произойдет, утверждали главы администрации, тем лучше будет для края в целом и для его населения. По мере развития специфические черты отмирают, что делает излишними и особые административные установления. Создавался образ региона, постепенно, но неуклонно терявшего черты, обуславливавшие его инаковость, что подтверждает наблюдение А. В. Ремнева об осмыслении региона как «внутренней окраины» империи, «нераздельной части» России [Ремнев, 2013, с. 243].

Отчеты сибирских генерал-губернаторов, являющиеся коллективным текстом представителей местной бюрократии и адресованные императору и главам заинтересованных министерств и ведомств, содержат ключевые образы региона, включенные в актуальную для общественного мнения «повестку дня»: ресурсная кладовая империи, богатства которой недостаточно востребованы вследствие отдаленности от «внутренней» России, плохих путей сообщения, косности и непросвещенности местного населения, плохого управления, нераспространения на ее территорию реформ 1860–1870-х гг.; забытая столичной властью страна, отсюда одна из задач отчетов – «открыть глаза» верховной власти на эту *terra incognita*; территория, имеющая все потенциальные условия для того, чтобы стать «крестьянским раем на земле». По мере приближения к концу XIX в. номинация «страна» в отчетах заменяется «губернией/губерниями», «краем», констатация внимания на специфике региона уступает место описанию благоприятных и желаемых перспектив от его «встраивания», включения в единое общеимперское пространство. Безусловно, что на содержание образа региона в проанализированном нами корпусе текстов влияли, с одной стороны, такие факторы, как личность генерал-губернатора, его мировоззрение и отношение к службе в регионе, степень вовлеченности в процессы управления, с другой – статус региона в составе империи, позиция императора и верховной власти в отношении административных, геополитических и экономических перспектив сибирских генерал-губернаторств. Однако на первое место все-таки выходили прагматические соображения о реальных

потребностях территории. В связи с этим не случайно, что необходимость таких мер, как строительство железной дороги, всемерная поддержка развития путей сообщения, отмена ссылки, просвещение населения (путем устройства школ, университета и пр.), привлечение подготовленных и мотивированных кадров чиновников, всестороннее изучение региона, распространение действия реформ 1860–1870-х гг., поднимались в губернаторских отчетах раньше или одновременно с «толстыми» журналами, газетами, публицистикой и другими институтами формирования общественного мнения.

Список литературы

Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1879 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью : в 8 т. Иркутск : Тип. Штаба Вост.-Сиб. воен. окр., 1884. Т. 1. Вып. 1. С. 7–48.

Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880 и 1881 гг. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью : в 8 т. Иркутск : Тип. Штаба Вост.-Сиб. воен. окр., 1884. Т. 1. Вып. 1. С. 54–149.

Всеподданнейший отчет и. д. генерал-губернатора Восточной Сибири за 1885–1886 гг. СПб. : [Б. и.], 1886. 52 с.

Дамешек Л. М. Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX в.). Иркутск : Оттиск, 2018. 256 с.

Дюгамель А. О. Воспоминания Александра Осиповича Дюгамеля // Рус. архив. 1885. Кн. 2. Вып. 7. С. 371–427.

Замятин Д. Н. Гуманитарная география : Пространство и язык географических образов. СПб. : Алетейя, 2003. 336 с.

Мазур Л. Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // *Quaestio Rossica*. 2015. № 3. С. 161–178. DOI 10.15826/qr.2015.3.117.

Матханова Н. П. Отношение деятелей администрации Восточной Сибири к Великим реформам // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. Вып. 2. С. 3–7.

Матханова Н. П., Родигина Н. Н. Всеподданнейшие отчеты как источник для изучения представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия о регионе // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Вып. 1. С. 34–38. DOI 10.15372/HSS20190108.

РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 65; Ф. 1263. Оп. 3. Д. 191; Ф. 1265. Оп. 3. Д. 6; Оп. 7. Д. 1; Оп. 10. Д. 202, 203; Оп. 11. Д. 161; Ф. 1281. Оп. 5 (1850). Д. 132; Оп. 7 (1868). Д. 1, 9; Оп. 7 (1869). Д. 51; Ф. 1284. Оп. 67 (1872). Д. 337; Оп. 69 (1874). Д. 135; Оп. 69 (1875). Д. 522; Оп. 70 (1882). Д. 102.

Ремнев А. В. «Короткий» XIX век Сибири: сибирское время и пространство // Изобретение века : Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / под ред. Е. А. Вишленковой, Д. А. Сдвижкова. М. : Новое лит. обозрение, 2013. С. 229–252.

Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX в. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2015. 580 с.

Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб. : Гуманитар. акад. : Университет. кн., 2004. 416 с.

References

Dameshek, L. M. (2018). *Sibirskie okrainy Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [The Siberian Periphery of the Russian Empire (18th – Early 20th Century)]. Irkutsk, Ottisk. 256 p.

Dyugamel', A. O. (1885). Vospominaniya Aleksandra Osipovicha Dyugamelya [Memoirs of Alexander Osipovich Dyugamel']. In *Russkii arkhiv*. Book 2. Iss. 7, pp. 371–427.

Foucault, M. (2004). *Arkheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge] / transl. by M. B. Rakova, A. Yu. Serebryannikova. St Petersburg, Gumanitarnaya akademiya, Universitetskaya kniga. 416 p.

Matkhanova, N. P. (2011). Otnoshenie deyatelei administratsii Vostochnoi Sibiri k Velikim reformam [The Attitudes of East-Siberian High-Ranking Officials toward the Great Reforms]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Iss. 2, pp. 3–7.

Matkhanova, N. P., Rodigina, N. N. (2019). Vsepoddanneishie otchety kak istochnik dlya izucheniya predstavlenii sibirskikh general-gubernatorov vtoroi poloviny XIX stoletiya o regione [Reports as a Source for Studying Siberian Governors'-General Views on the Region in the Second Half of the 19th Century]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Iss. 1, pp. 34–38.

Mazur, L. N. (2015). Vizualizatsiya istorii: novyi povorot v razvitii istoricheskogo poznaniya [The Visualisation of History: A New Turn in the Development of Historical Cognition]. In *Quaestio Rossica*. No. 3, pp. 161–178. DOI 10.15826/qr.2015.3.117.

Remnev, A. V. (2013). “Korotkii” XIX vek Sibiri: sibirskoe vremya i prostranstvo [The “Short” 19th Century of Siberia: Siberian Time and Space]. In Vishlenkova, E. A., Sdvizhkov, D. A. (Eds.). *Izobretenie veka. Problemy i modeli vremeni v Rossii i Evrope XIX stoletiya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 229–252.

Remnev, A. V. (2015). *Sibir' v imperskoi geografii vlasti XIX–nachala XX vv.* [Siberia in the Imperial Geography of Power in the 19th–Early 20th Centuries]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. 580 p.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 948. List 1. Dos. 65; Stock 1263. List 3. Dos. 191; Stock 1265. List 3. Dos. 6; List 7. Dos. 1; List 10. Dos. 202, 203; List 11. Dos. 161; Stock 1281. List 5 (1850). Dos. 132; List 7 (1868). Dos. 1, 9; List 7 (1869). Dos. 51; Stock 1284. List 67 (1872). Dos. 337; List 69 (1874). Dos. 135; List 69 (1875). Dos. 522; List 70 (1882). Dos. 102.

Vsepoddanneishii otchet general-gubernatora Vostochnoi Sibiri za 1879 g. [Report of the Governor-General of Eastern Siberia for 1879]. (1884). In *Sbornik glavneishikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoi Sibiri'yu v 8 t.* Irkutsk, Tipografiya Shtaba Vostochno-Sibirskogo voennogo okruga. Vol. 1. Iss. 1, pp. 7–48.

Vsepoddanneishii otchet general-gubernatora Vostochnoi Sibiri za 1880 i 1881 gg. [Report of the Governor-General of Eastern Siberia for 1880 and 1881]. In *Sbornik glavneishikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoi Sibiri'yu v 8 t.* Irkutsk, Tipografiya Shtaba Vostochno-Sibirskogo voennogo okruga. Vol. 1. Iss. 1, pp. 54–149.

Vsepoddanneishii otchet i. d. general-gubernatora Vostochnoi Sibiri za 1885–1886 gg. [Report of the Governor-General of Eastern Siberia for 1885–1886]. (1886). St Petersburg, S. n. 52 p.

Zamyatin, D. N. (2003). *Gumanitarnaya geografiya. Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov* [Humanitarian Geography. The Space and Language of Geographical Images]. St Petersburg, Aleteiya. 336 p.

The article was submitted on 18.12.2018